

Нормальное взаимоотношение церкви и государства для первозного сознания из Греи сознавалось еще не есть не есть той или иной политической формой! И организацией власти, но и признанием величия христианской совести для области государственности. Нескому и Рынку, когда вошел правильный рушадель в Россию царское самодержавие, а во смыту его налил новые государственные формы, православные церкви не имели судьбы быть обличь формами, со стороны из политической чисто-свободности, во очи неизменно стоять на таком понимании власти, по которому величие власти должна быть христианским славнением. Видя людем перкии может оказаться опицанием великая политическая форма, если только она исполнена христианским духом, или, во меньшей мере, этого имет. И неизобрет, противление этому духу всякой государственной организации превращается въ царство зла, изображенное у Таймисии. Противится это, по свидетельству истории, возможно при всякой форме правления однинкою карты при сомнодергании, так и при народопреступлении. На основании сказанныго и нынешней власти в России является правдою, что смиренна церкви лишь въ той мѣре, на сколько она будет одушевлена ревнностью действовать по духу Христову.

Высокому достоинству церкви не поддается мысль востановления припуждений, направленные к расширению духовного государства, но этим наследицей религиозной совести иноверных русских граждан. Однично, государство Российской, если оно будет открыто для духовных в исторических смыслях; корней, само должно охранять перевешивающие положения православной церкви въ России".

Скансу теперь о третьемъ членѣ трехчлен-

ной формами—Православие, Самодержавие и т. д.—и на единство—о русском народе. Народ, который наши нации и национальности гордился больше любил чисть знать, на своем горбу висела вся величественная тагута тысячелетней истории русской: это гитарыши, это пребывание на небесах, это величественность—быть может самое главное изъ величи. Когда начальство призывало, когда интеллигенты разъезжали по деревням, народъ не беспомощенъ и, быть, все призываи изъ его безмозглой покорности, иные горы возвели это какъ национальную черту и отсюда складывалъ выводъ, что политическая сила не для русскихъ. Но переворотъ совершился. Власти исчезли, народъ, въ чемъ онъ былъ, въ томъ и вышелъ на волну во-ль. Ученые интеллигенты, и социальists, и монархисты—одинаково со страхомъ и съ не-довѣриемъ увидели народъ подъ его натураль-нымъ видомъ. Раньше, въ книгахъ своихъ они не читали о томъ, что было на дѣлѣ, но жаждали слышать книгу. И вотъ, шен и сини, вѣжливые привычки гнулись направо, въ сторо-ну монархии, стъ такомъ же легкотѣ,—мы ви-димъ,—гнущихъ теплѣи налько въ сторону народу. Нулю ли народу это поклоненіе, пушки ли не-леютъ? Сами народъ, замученный и темный, обломятъ въ ногахъ вѣбунущихъ, хотеть правды, хотеть Бога. Всю скажете, что онъ хочетъ прежде всего хлѣба и мира. Нѣтъ, глядѣя бываетъ хлѣбъ отбитый у брата и предъѣдѣтъ миръ, когда источникомъ его являются слабость и измѣни. Скажите обѣ-зть грому народу, скажите ему, что есть мы хотимъ мира, но мира честного и достой-наго, и онаѣ вѣлько покиритъ, потому что и самъ смутно въ сердцѣ своемъ чувствуетъ же.

Итак, вот как раскрылась в жизни на газах, неизвестная старая трехчленка формально-православной самодержавии и народности, но нынче знамена только Вера и Родина. Вера — это значит, что устронь порядок из государства, нельзя выйти из него лично. Вера живет и движется какими-то отдельными частями, ее же живет и привлекает к жизни: нет неподвижной и распадающейся на части, то есть одиозной. Вера — это государство.

что такое родина? Не знаю ли я спрашивать об этом? Ну и потому что мы основательно забыли о родине.

христовы, мы учитывали наученный национально-христианский и апокрифический, у памяти, — христианство — евангелие, — научились божествию, чудесные виды язычниками, мы превознесли их чистых членов. Но не все же были апокрифы, сферожинаки. Разы, идти среди злодеев, у кого в душах живы злые и кощуряющиеся, власте даже зорките сестры, — это таинство. Да, есть и злые. Это другая злоничная гадина русского народа. Но если большая половина, то не все благочестиво и чисто. Ушедши в себя, в душах скрученные, они молятся, запертыне по склоньях о тишине, а сами страшася выйти изнутри. Они готовы превратить науку в угодие, тиких бы омыть иконы и вспомогательности для них, чтобы вспомнили, скрывают грехи не во тьме, что в них омыты. Богу одиночко по кельямъ, а в томъ что она вспомнила жить и действовать на милю. Если бояре боялись, называлась «бояцкой» то другой сладоступ напоминает «бояцкойной». Конечно никто не спешит отыскать эзотерическую и не в оныхъ земляхъ речь. Мы помнимъ, о чьи кеши не разъ выходило спасение Руси. Но тѣ отышленные основывали обожженные монастыри-кошмы, благословляли бояре и высказывали свои суждения о широкихъ распахахъ. То были святые подвижники, въ кельяхъ своихъ потруя, живущие для милю. Да помогутъ они и намъ преодолеть свой интеллигентнический и индивидуальный, — изъзванийской юмор жизни, погиблый на якобинской, Московской, Киржачской, и тѣльской, —

Архе некою Елагой задается вопросом: «Что, напоминает эта жертва. Разы молчали, не всегда было с ним, разы она разделяла въездъ съ ними на свободу, она не знала имѣть съ народомъ или, чѣмъ сказать, впередъ народа? Вонстину, «смѣшной между собой», «свои спохи» не развали.» Сущинца трагическое, страшное дразненіе... Вопросъ обращенъ ко всему скому обществу и прежде всего къ интеллигентамъ и къ наѣтъ, служителямъ и дѣятельямъ церкви. На нихъ лежатъ злые вины и вѣтхостыя за случившееся. Въ самыи разы мы не подумали въ томъ, что наѣтъ оказалась на съ лавахъ а противъ насъ не подошли во время къ нему, не слышали его моросований и не взыскали этого зоресправданія до своего. Разы мы не вѣрили въ томъ, что не судили овладѣть его имѣствомъ. Мы плохо учили народъ и теперь нажимаемъ плоды этого».

Итак, наша память настолько дна честно
открыть с себя историю, касающуюся и
в других недугов, которыми мы болеем, и
бодро вперед смотреть с тобой, с твоей
дочерью. Родина же наше—это наше народ
его прошлом, настоящем, будущем, о
котором должны знать все наши мысли, и нечестивы
быть направлены всей нашей забытьи,
которому что несть ни спасенья въ земле
поднебесной. Это народ, построенный из
западных храмов на землю просторную русскими
житиями, украшенный стыдом их зданий
и это «гордеи», южники, караулами су-
щими суровую путь нашим, рѣка, выливавшая
изъ своей ермы Пр. Сергия, Козьмы Мира,
Петра Великаго Ломоносова. Всёми и
согда прописаны въ нихъ здравый смысл
и изумительная дарованія. Куда же исчезли
«наши наставники»? Не исчезли они, но затени-
лись, разобщились, взаимно недоблагород-
илиссимы и недроподическими, пота, что
заполнило на чисту силу. Мы все испо-
лнились по-блажь, наподоби, и потому, иск-

4 Бычков

УДУШНЫ Головлевы въ рясахъ.

Въ современной галлереѣ русскихъ и въ
частности нижегородскихъ типовъ есть особо
православительный типъ Иудушкинъ въ рѣбѣ.
Вспоминатъ Иудушка полуу碌 въ семинаріи,
когда учился такъ себѣ, ни шатко, но како, во
вичинатъ курсъ студентомъ и попалъ въ село
ищеническое. Быстро озабочившисьъ съ новы-
ми положеніемъ, Иудушкинъ тѣмъ же ходомъ

шагель по юридической линии и несмотря на старый призыв, еще в ранней молодости попал в благотворительное Биржаново гнездо псевдоинов, и дальнейшее аттестование спащиков, являлось на покору в конец торжества и соседнем поместье, на поклонные разпорты преосвященнейшего, за что и было обласкано и высокими судьями. Молодой Луцкевич получал хорошие мальчики в город, а потому законодательство гимназии. Здесь Луцкевич стал обычновенным рядовым членом духовенства, не имеющим никаких прав на право, ни влияния. Равнение держало правило и лишил наследа рябчика, когда-нибудь липнувшего или укусившего. Было это, может и собственно Луцкевича, праучено и оговорено, чтобы и капитальность способности облысти и самому не выспаться, что способности его не гаснут, и пропадают, а и на новом месте не призываются и разбросаются. В таком настроении, под подготовительностью и созерцательностью действительности — сидела Луцкевич русская поганка. Грумли, племянник Луцкевича, запомнил, появившегося и, направившего его, куда быстрее. Агафон, запомнил. Он понял, что для судьбы предложил ему еще такой случайный случай. Это привело к музыке, облыстии и нахальству. Всё объясняется — начиная надо создать момента объединения*. Создал и стал его председателем, а чтобы морально привести в себя своих обычных редеющих одного укусить, того зажечь, этого привлекает, иному напекнуться. Да и называлось. Необходимо было заинтриговать и подчинить изгнан. Хозяй собутыль ухватывал путь, которым надо было идти обратными «товарищами». Луцкевич долго не задумываясь, а решаясь в этих случаях быстро, на эстакадах момента объединения, становился «товарищем», «Поддердиком», — выражение говорил Луцкевича, — поддригите*. Эта поддердка особенно была кстати в виду появления на образцах епископа. Каки никакие, остальные члены все-таки чувствовали к епископскому саму и самой личности епископа некотороеуважение — пережитко старинной любовью. Либо вспоминающей и нападающей не находило в плане Луцкевича: еще разраски иондажи. Мило же это может быть.

вот "товарищи"—это другое яйцо тутъ и воспитаны, ни чистца вѣръ, на традиціи все чисто, сѣй какое угодно сѣам и оно падть подъ старцемъ. Повѣдѣніе "товарищемъ" оставало Иудущий рѣдкія минуты наслажденія и удовлетворенія. Но и онъ старъ охлаждать помурзкался и будетъ! Иудущий рѣшилъ, что необходимо самому склоняться "товарищемъ" въ "багъ" въ двухъ лицахъ, и топасть и попасть. Къ тому же наизрѣли события приближавшія спиритуальную сѣльду духовенства и моря и идолъ было застѣпѣть въ внутренней и вѣнчанной поддержкой. Тутъ, "голосъ щѣльда", въ звѣздахъ виноградной сїи говаривъ. Въ головахъ сѣльды Иудущий былъ, убѣнять, недаромъ же онъ всюду и всѣмъ пилъ, клаезетъ, злословъ, учились и разговѣствовали. Повидимому сомнѣніе не возникло и была полна уѣврѣнія въ собственномъ торжествѣ. Путъ и спасеніе испытываніи, а люди?—Онъ ихъ зналъ хорошо. Къ нему удовольствіе Иудущий втерпѣлся къ товарищемъ ему удалось скоро и безъ линчевъ хлопотъ: срѣдь азыаковъ, люди все свои, Иудущий склонилъ товарищемъ председателемъ, отчасти же Иудущий встроочилъ неподплатному исконному председателю, чтобы нѣю не осмѣялся перечить ему—Иудущий, а былъ съ ними вполнѣ согласъ, чтобы председателемъ возмѣтилъ самое рѣшительное дѣяніе. Иудущий занесъ его на плечи со всѣми солдатскими сундуками и поднесъ полныемъ своимъ тиличе: "говариши" председателю Совета солдатскихъ депутатовъ Бенедиктовъ Бенедиктскій. Результатъ правда не соотвѣтствовалъ затѣянной энергии и имѣлъ очень слабый: сенекой ее испугались и къ Бенедиктову не поклонъ не поспѣли. Тутъ еще на порогѣ вступило Братство, созданное вскинами "черносотенцами" и задуманный ударъ не воимѣлъ той силы, на которую расчитывалъ азчительный Иудущий. Чѣмъ блѣже къ сѣльду, темъ Иудущий больше волнуется и, наконецъ, въ измѣрѣть и въ день открытыхъ сѣльды, когда утромъ, помѣши зондировать почву, которую оѣзжали гости уено подготоили. Но эти-таки, несмотря на достаточную подготовку прошлого сѣльду поиздѣни и напомнилъ своимъ власнти и страданія. Сѣльды

выбрал Гулушику председателем и онъ лжо-валъ, но не долго. Постепенно, шагъ за шагомъ развертывалась и выяснялась нравственность личности Гулуши, его "асаслы и страданія", а которыхъ онъ, загордый юный шотъ, получалъ отъ юного городской пражды, существо, которымъ онъ употреблялъ и пути, которыми онъшелъ.

Къ концу сезона этиада стала меркнть и чадить, а затѣмъ и совсмъ потухла. Последовавший за этимъ разоблаченіемъ скончательно разыгнанный Гулуши и онъ—какъ Кречинский—могъ только воскликнуть: "сорвались!" а мечта видѣть себѣ, "епископомъ" Бенедиктомъ разметалась въ прахъ и дальнѣйшемъ карьеру пошла погнать улощть. Но сбортъ ни Гулуши, ни подъ-Гулуши не только не были выбраны, но и никъ даже и не вспоминали, и события потекли якимъ-же. Народное Христіанское единение на "Вѣру и Родину" и опять не пригласили: расценивали значить обойтись и безъ нихъ. Есть отъ чего въ разы прийти! Со словъ, хотя бы и очень двусмыслимъ и подтождимъ, все же не разставаться трудно и болезненно. И какъ угошенній хватается за колонинку, такъ и нации Гулушихватилась за колонинку. Къ нѣмъ уступаютъ газетническія печати и, недолго думая и не разбираясь въ средствахъ, хватили статесчи. "А? забыли? забыли, не пригласили?" Такъ вотъ же какъ! И пошли писать губерніи! Гулуши вспомнили бывшіе, свой старый испытанный способъ лжи, инсценируя, демагогическая лести и вселенскія извѣти. Злоба, какъ известно, состоятъ изъ ненависти и членовъ думаетъ, что умывается чистой ключевой водой, а на самомъ дѣлѣ полошется въ помояхъ. Гулушикамъ, видите, хотѣлось "убѣтъ въ себѣ, чтобы успокояться на томъ, что выше повседневности". Хотѣмъ, но такъ и не ушли, а гдѣ-то понимливо застрили и никакъ не могутъ выбраться и очень сердятся на тѣхъ, которые не изъ себѣ ушли (тоѣй не такъ-трудно!), а кѣеѣ предъздили. Что же вѣтъ то мѣшало? Взяли бы и Вы, "монополю" на то Божественное Имя".

Вѣроучущій читатель, конечно, поноробилъ отъ этого экономического стиля. Согласенъ: въ мѣд. тошни и скверно, болѣе, но Гулуши писать иначе не могутъ: у нихъ все свидѣется какъ экономикъ. Мы знаемъ хлѣбную монополію, чайную, сахарную, наконецъ монополію лжи, поплыши и скрудоми, но монополію Имени Христа мы что-то не знаемъ: это изобрѣтеніе "депутата разогнанного сезда" и монополія на "монополію глупости и конунгства". Гулуши имѣютъ дадашъ: они знаютъ изъ "опыта" (?) ст. чмъ: Христосъ не мирится! Здѣсь и уходитъ, ꙗбо по своей грѣховности не смѣя и не дѣрзко проникнуть и ознакомить неизѣгнѣдными путемъ... Бонжъ...

Допустятъ сомнѣваться, не стерпѣлись ли въ

памяти читателя "типичныи черты любителей писать доносы по начальству". Напрасные сомнѣнья и напрасные возленія: черты поняты и боятся, но твореніе депутата воспрѣсило не только типичныи, но даже и инидивидуальныи черты, выросъ и сталъ, какъ живой—маленький, изысканный, струнныи и лѣтній, злой и пошлый "товарищъ" въ рѣкѣ, изъбездѣяній герой Щербина—Гулуши Головацъ. Такому типику конечно свойственно не только самому писать доносы въ старомъ, а больше всего "новому начальству", но и въ какихъ-либо "обнубликованныхъ" заложъ видѣть деноношъ. Гулуши, "жалоба" не знаютъ, они только доносятъ и честно, и письменно, и гордово, и комитету, и съюзамъ, —вѣтъ, кто только представляется изъ себѣ хоть тѣмъ власть и кто можетъ подтвердить. Но глашнѣйшій злоба отъ боялся и съ открытымъ заборомъ борется не лѣбить. Ни жалобу можно было бы написать оправдывающими разности противниковъ, но это не изъ интересовъ, наскаживалъ: Авторы волеются за духовенство и страдасть за власть, которая не переноситъ скромнѣйшихъ депутатовъ, а остается у конунговъ: скрѣпить о денежномъ лицѣ, которымъ "онъ" не можетъ распоряжаться, спрашивать "депутатовъ" свободнаго проявленія первокоренной жизни, пугать "самодержавій" и "всесвѣтѣйшии" —и никаку не страшно.

Вѣтъ въ, читатель, творцы новой жизни, народнымъ вселенскимъ и демократамъ! Да, Гулуши, въ томъ морѣ измѣнъ, предательства, крохи, лжи, убийства и грабежей, гибели лучшихъ сыновъ родныи и т-ржестеса Хамстахъ—есть и твоя наада! И въ то мѣрѣ

сѣль постарались внести свою долю въ общее разрушение и разглагольство правы!. И для вѣтъ части историческаго вомезаи настанетъ, когда многие отъ малыхъ сихъ указатъ на вѣтъ, наикъ на своихъ учитель и руководителей. Согѣтъ должна прокуриться, если еще не совсмъ потерянна и часть пробужденія будетъ въ часомъ возможнѣ...

Русский.

Среди печати.

Трагическую судьбу предрекаетъ Россіи популярнѣйшая грузинская газета "Санкт-Петербургъ".

Русскіе тѣперь уже не можетъ околодовать Керенскій, похожій болѣе на клоуна, чмъ на совершающаго сѣль фельдмаршаломъ Гинденбургомъ воина. И наши соотечественники, Чхонда и Перетелла, приглашенные въ руководители революціи, не могутъ вернуть себѣ бытую любовь массъ. Они также безъ усталии своихъ позицій и только во время антраектовъ вспомнили свою родину, куда и вернулись для отдохна. Въ комаринской ночи Россіи недолго продержится лунная арлекинка. Опытъ повторится октябрьскіе дни 1905 года, опытъ подумаетъ съ сильныхъ полей крестилье съ головами, а съ Васильевскаго острова—обдорванная чернь. Русскіе солдатъ плачутъ не такъ германцы, какъ призраки голода, и если русскіе революціи столько времени были лишенны темперамента, зато "голодные бунты" заставляютъ всѣхъ забыть и Вародомѣскую ночь и коммуну.

Подъ предводительствомъ Ленина, явившись головной черни, заражая покърь и въ родномъ хаосѣ затягиваютъ вѣбаламученная душа Россіи.

Налоба русскаго.

Ты знаешь края, гдѣ глуность и бездарность, Какъ гени всеславные царятъ;

Ораторъ гдѣ вадоръ лишь говорятъ,

Гдѣ клеветъ—затѣмъ благодарятъ...

Гдѣ злорѣвый смыслъ скончался отъ прости, Свободы хрѣстъ истоганъ все осламъ;

Воронъ гдѣ ялюются ордами;

Гдѣ иѣтъ судъ,—затѣмъ есть самодузы...

Ты знаешь края, гдѣ разные журналии

и "резолюціи" растутъ несчетно...

Гдѣ дезертиръ живеть лишь беззаботно,

Гдѣ дышутъ радостно шишки и нахалы,

Гдѣ триумфаторъ—всѣкій доккій гусь...

Другъ—этотъ край—святая Русь!..

В. Т.

Комедіанты.

Представители нашей демократической думы, глашнѣйшие товарищи-сональсты не только плохое городское работники, но довольно забавные комики.

Послѣднѣе качествъ ихъ—съ особой яркостью подчеркнулося въ "изменникахъ" засѣданий 26 ноября въ здании городского театра. Приводимъ въведеніе изъ сообщенія о немъ въ "Благодаръ". Репортеръ газеты "Абзацъ" этотъ озаглавилъ: "Пустое крѣсло".

Слово принадлежитъ нижегородскому городскому губернью, товарищу Ганчелю, называемому председателемъ союзки.

Наставникъ дланнѣйшаго пауза, при полной тишинѣ. На трубу никто не входилъ.

Гдѣ Ганчель? раздался голосъ съ мѣста.

Меланхолично на трубу поднялся членъ городской управы С. С. Венгерчикъ.

Товариши-гражданки обратились онъ къ зрителю залу. То, что хотѣть и должны быть сказаны въ эту вѣчнѣйшую скамейку день товарищъ Ганчель, онъ не скажетъ. Городская управа поручила мѣд. передать залу, что товарищъ Ганчель большевиками арестованъ.

— Позоръ! крачатъ съ мѣста.

— Городская управа, продолжаетъ г. Венгерчикъ, не беретъ на себѣ скамейки передать вамъ слова Ганчеля,—то были его слова. И пусть это пустое крѣсло (ораторъ сидѣлъ зѣстъ къ столу президиума, за которыемъ стояло пустое крѣсло городскаго головы) напоминать вамъ о совершенномъ насилии.

Для "говарящихъ" весь этотъ фарсъ на-

жется, вѣроятно, очень умныи.

Нынѣ сомнѣній, что прежде чѣмъ поставить его на сцену, они пропретиропала его изъ-подъ:

Траубе изѣнкою разъ произнѣши свою речицъ: "Слово принадлежитъ..." Упраси сторона, разсакрененіи по разнимъ углаамъ набинта городскаго головы поочередно выкрикивали:

— Гдѣ Ганчель? Позоръ!

А главный режиссеръ этой трагикомедии Венгерчикъ исколько разъ медленно входилъ на трибуну и дѣлалъ жестъ къ пустому крѣсу головы.

Комедіанты думали, что эта сцена поразитъ всѣхъ и уѣзживающа будеть въ исторіи, и въ живописи, и въ музыѣ и будетъ передаваться изъ устъ въ устъ, изъ вѣкъ въ вѣкъ.

Они ошиблись. Фарсъ оказался гаупноватымъ и пошлымъ.

Глоно было прабигать изъ младорѣвъ, чтобы сообщить о фактѣ ареста Ганчеля, всѣмъ уже тогда изѣнчестаго.

И не "Пустое крѣсло" надо бы озаглавить это сообщеніе, а "Пустомѣла".

Не совсмъ умныи кажется постановленіе глашнѣйшаго товарища о переименованіи въ память 28 ноября, какъ днѣ, назначеннаго для открытия Учредительнаго Собрания, "Дворянскіи улицы" въ "улицу 28 ноября".

"Товарищи", повидимому, хотятъ изгладить всякую память о русскомъ дворянствѣ.

Но сдѣлать это не такъ просто, какъ они думаютъ.

Это сособліе видѣлило изъ своей многочисленныхъ, поэзогъ, выдающихся государственныхъ деятелей и знаменитыхъ полководцевъ; оно же шло впереди всѣхъ съюзъ по обиженію государственного строя. Многие изъ дворянъ сложили свои вѣти за Родину.

Нашинъ "товарищъ", заслуга которыхъ пока въ томъ, что они сумѣли въ 9 мѣсяціяхъ развалить Россію, сїи, ее обезволить и ввернуть въ бездну аваріи, —раненые мечтать о томъ, что русскій народъ наградитъ изъ своей памяти—память о дворянствѣ.

"Товарищи" пока что дали вѣтъ флаглара Керенскаго и безумца Ленина.

Возведеніе патріарха на патріаршій престоль.

21 ноября въ Москвѣ состоялся чинъ патріаршаго "настолованія", въ Б. Успенскому соборѣ.

Въ 9 час. утра епископы-члены собора прибыли въ соборъ Двѣнадцати апостоловъ, откуда перешли въ Миропомѣщную палату, гдѣ и ожидали патріархъ. Но послѣ промыслъ сначаля въ храмъ, затѣмъ въ палату. Епископы совершили заѣздъ молебствіе. Зѣтъ же приступовали кириаки и 30 мѣръ—члены собора. Отсюда шествіе, замѣненное патріархомъ, отправилось въ Успенскій соборъ, въ прещинѣ хора символыльнаго пѣвчихъ, которые пѣли троицы въ Успеніи Божией Матери. Въ соборѣ патріархъ облачился въ митрополичіи одежду.

Старѣйши митрополиты: кievскій—Владимѣръ и кавказскій—Плагонъ, "возвели патріархъ на горнемъ мѣстѣ и троекратно воздѣвали и поссыдали на горнемъ патріархъ мѣстѣ престолъ", при пѣнѣ: "Алісъ". Всѣ колоколи со звѣнами. Потомъ троекратно посаджено, епископъ пронесъ скамейку скамейкой, Ключарь пронесъ изъ патріархальной скамейки для патріарха. Скамейка для патріарха сидѣла на скамейкѣ скамейки для патріарха, скамейка для патріарха, скамейка для патріарха Никона. Патріархъ сидѣлъ въ премѣщеніи и на него вложилися присененіе.

Послѣ обѣзначенія протодіаконъ произнесъ величную похвалу съ поименованіемъ всѣхъ вѣчнѣйшихъ патріархъ и провозгласилъ многія лѣта патріарху Тихону.

Послѣ этого Тихонъ произнесъ "Миръ вѣтъ", и началось чтеніе Апостола и Евангелия.

Разоблачено патріархъ передъ престоломъ и 2 митрополитъ вошли подъ него патріаршіи мантіи и клобуки, сохранивши отъ патріарха Никона. Патріархъ извелъ изъ похосъ, изъ митрополитъ Владимира передъ ему похосъ, сохранивши отъ святителя Петра. Затѣмъ послѣдовала рѣчь Владимира патріарху и отѣѣ патріархъ, который

